

Литературный факт 2026. № 3 (41)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 3 (41), 2026

Научная статья

УДК 821.161.1.1

<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-41-276-310>

<https://elibrary.ru/SRJFFM>



Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 3 (41), 2026



This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

К вопросу о периодизации истории русской литературы XX в.

© 2026, Н.В. Корниенко

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Работа выполнена в Институте мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук при финансовой поддержке Российского научного фонда № 25-18-00196, «От ранних писательских объединений к Оргкомитету Союза советских писателей: Генезис институциональных форм в культурном строительстве РСФСР / СССР (Цифровой архив документальных данных и исследований)», (<https://rscf.ru/project/25-18-00196/>).

Аннотация: Предлагаемое исследование посвящено вопросам периодизации истории русской литературы советской эпохи. Центральное место в статье занимает описание предложений академической науки 1910–1920-х гг. по изучению истории русской литературы (работы В.Н. Перетца, А.И. Белецкого, П.Н. Сакулина), имеющих методологический характер и не утративших своей актуальности; особое место в их исследованиях отведено проблематике отношений литературной критики и филологической науки; ученые настаивали на принципиально разных задачах критики и науки. Фундаментальное их различие сформулировано в 1928 г. В.Ф. Переверзевым в двух формулах: наука занимается литературой как фактом, критика — литературой как фактором. Формирование «синтетического критика-литературоведа» (Д.Д. Благой, 1954) считалось завоеванием советской методологической школы. В статье дается обзор направлений и методов, принятых в первое советское десятилетие в периодизации истории русской литературы XX в. (анализируются монографические работы Е.Ф. Никитиной, В.Л. Львова-Рогачевского, П.С. Когана). На материале периодики, стенограмм и других документов из фондов РГАЛИ и архива РАН реконструируются основные этапы работы над «Историей советской литературы» во втором советском десятилетии, когда за это направление работы отвечали сначала Институт литературы и языка Коммунистической академии, затем ИМЛИ им. А.М. Горького, представляющий Академию наук СССР, и Союз советских писателей. Стенограммы заседаний редколлегии приоткрывают историю создания первых «Историй», в которой

вопрос периодизации истории русской литературы оставался одним из самых политически острых.

Ключевые слова: периодизация истории русской литературы XX в., методологические дискуссии, академическая наука, литературная критика, партийные документы, Союз писателей, ИМЛИ

Информация об авторе: Наталья Васильевна Корниенко — доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2231-1830>

E-mail: nataalkornienko@yandex.ru

Для цитирования: *Корниенко Н.В.* К вопросу о периодизации истории русской литературы XX в. // Литературный факт. 2026. № 3 (41). С. 276–310. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-41-276-310>

У каждой «Истории литературы» есть своя предыстория с особым замыслом, своей идеологией исследования текста, духовной биографии писателя, исторического и литературного процесса. В конце 80-х гг. прошлого века в планах ИМЛИ появилась утвержденная Отделением языка и литературы АН СССР тема: подготовка труда «История русской литературы XX в. в мировом контексте». Казалось, будут освоены «белые пятна», описано такое явление, как русская литература в эмиграции, проработаны международные связи литературы, пополнится летопись литературной жизни, и «История» наконец-то приобретет так всегда желаемую и недостающую ей историческую полноту. Но сам ход времени внес существенные коррективы в этот глобальный и по-своему утопический замысел.

Многообразие ключей, предлагаемых вот уже три десятилетия для прочтения истории русской литературы советского периода, позволило, как мне думается, уяснить одну старую истину — об исходно разных путях и языке историка литературы и критика, равно как историка России и политолога. Это различие носит базовый характер и проявляется прежде всего в интерпретации исторического события и литературного явления. Очевидно, что политическая история России описывает и реконструирует лишь один из пластов (политический) исторической жизни советского периода. Эту тему нам не обойти при анализе советского историко-литературного процесса, его важнейших институций, при составлении реального комментария к классическим литературным текстам советской эпохи, но не менее опасно всё сводить к политическому контексту, как в понимании отечественной истории, так и ее литературы. Позволю аналогию: само историческое явление столь же многомерно, многоа-

спектно, многозначно, как и текст культуры (литературы, живописи, архитектуры, музыки). Анализ события во времени (ретроспектива, хроника, исторические последствия, его вневременной религиозный смысл), может быть сопоставим с реконструкцией истории текста литературного шедевра, которая зачастую только и позволяет приоткрыть в нем те пласты содержания жизни и культуры, что не лежат на поверхности политической и литературной жизни, но составляют живую плоть произведения, литературы и ее истории. Материал русской литературы первых советских десятилетий (в отличие от литературы Серебряного века) в буквальном смысле не дает возможности уйти от ключевого вопроса эстетики — отношения искусства и жизни — не только как вопроса выбора эстетической стратегии повествования, но и того, что традиционно называется верностью искусства жизни, правдой жизни и правдой искусства, что всегда открывала и утверждала большая русская литература.

Историческая закономерность любого периода литературы, в том числе советской литературы, «осложняется» наличием антизакономерности. Об этих взаимосвязанных законах истории размышлял в своих последних работах Д.С. Лихачев, определяя антизакономерность как «проявление “свободы воли” историко-литературного процесса, писателя и даже его произведений» [6, с. 14]. О советском историко-литературном процессе и его периодизации и пойдет наша речь.

Периодизация по десятилетиям советского литературного процесса закреплена в четырехтомной «История русской советской литературы. 1917–1965» (1967–1971), монографических исследованиях 1960–1970-х (роман 1920-х гг., рассказ 1920-х гг., жанровые и стилевые искания в прозе и поэзии и т. п.) и востребована в самых разных исследованиях постсоветского времени, исследованиях, прямо противоположных по своей идеологии. Первому советскому десятилетию литературы больше повезло не только в его высоких оценках, но и в форматах исследований. Так, к примеру, начиная с 1970-х гг. активно изучается, а позже издается литературная критика первого советского десятилетия¹, чего нельзя сказать о втором десятилетии, за которым повсеместно закрепляются такие определения, как литература сталинской эпохи, литература социалистического реализма; для подчеркивания радикального отличия от первого десятилетия указывается, что литературную борьбу группировок 1920-х гг.

¹ См. издания литературно-критических статей А.К. Воронского («Избранные статьи о литературе», 1982), А.З. Лежнева («О литературе», 1987), В.П. Полонского («О литературе», 1988), В.Б. Шкловского («Гамбургский счет», 1990).

сменил догматический Союз советских писателей, а после съезда писателей уже не было литературных дискуссий, какими были так богаты 1920-е гг.

Тридцатые годы начали активно документироваться и изучаться только в последние десятилетия и при этом, не побоюсь сказать, остаются не менее «закошмаренными», чем в те же тридцатые, а затем в период оттепели и перестройки... Откуда это идет, трудно сказать. Как здесь не вспомнить знаменитую формулу главного историка первого советского десятилетия М.Н. Покровского, что история есть политика, опрокинутая в прошлое. В отношении истории литературы советского периода подобное «опрокидывание» проявилось и проявляется в практически непреодолимом смешении функций критика и историка литературы, а прямое обоснование этого феномена предложил в 1954 г. член-корреспондент АН СССР Д.Д. Благой, выступая на Втором всесоюзном съезде писателей. Отметив, что у нас нет «полной картины развития всей русской литературы, нет истории советской литературы», «не была еще разработана периодизация литературы», одним из главных достижений советской критической мысли и литературоведения Благой назвал формирование «нового *синтетического* типа критика-литературоведа»².

Блистательный социолог В.Ф. Переверзев в ситуации обостренной литературной борьбы рубежа 1920-х – 1930-х гг. настаивал, что филологическая наука должна заниматься литературой как фактом, а критика — литературой как фактором³, и филигранно описал фундаментальное различие ремесла литературоведа и литературного критика в выступлении на дискуссии в Институте литературы и языка Коммунистической академии (ЛИЯ Комкадемия) 18 марта 1928 г.:

...я рассматриваю литературу как факт и совершенно не рассматриваю ее как фактор, рассматриваю литературное произведение как нечто, произведенное определенной причиной, но не литературное произведение, производящее определенные последствия⁴.

² Второй Всесоюзный съезд советских писателей. 15–26 декабря 1954 года. Стенографический отчет. М.: Сов. писатель, 1956. С. 390–392.

³ В антипереверзевской кампании конца 1929–1931 гг. было несколько направлений критики главных составляющих литературоведческой концепции Переверзева; неприемлемым оставался «самый принцип независимости теории и истории литературы (литературоведения) от современного литературного процесса (литературной критики и программы). Переверзевщина в этом контексте означала объективизм, т. е. объективистское изложение истории литературы, независимое от каких бы то ни было литературно-критических и культурно-политических интересов» [5, с. 328].

⁴ Нусинов И. О социальном заказе, живом человеке, учебе у классиков и о трех соснах некоторых критиков. Доклад и стенограмма. 18/III–1928 (Архив РАН. Ф. 358.

Мы же постоянно смешиваем эти две профессии, выступаем в роли эдакого «синтетического критика-литературоведа», когда стремимся оценивать историю, литературные события, отдельные факты и творчество писателя с точки зрения современных представлений об отечественной истории, наших политических взглядов и эстетических предпочтений. Преодолеть утвердившееся в своей основе *партийное* отношение к истории литературы советского периода можно только на пути фронтального изучения этого десятилетия, восстановления не выборочной, а *полной* хроники литературно-политической жизни страны, в которой литературный материал находится в прямых и одновременно сложных отношениях с политическим контекстом времени.

Невостребованным, а если и востребованным, то без ссылок, остается опыт наших предшественников, пытавшихся уже в 1910–1920-е гг. сформулировать базовые методологические вопросы изучения и создания истории русской литературы XX в. Именно к этому опыту мы и обратимся.

Наиболее известна вышедшая в 1914 г. «История русской литературы XX века. 1890–1910», под редакцией С.А. Венгерова. Это был первый опыт коллективного труда, ориентированный на исследование *единства* литературного процесса; ведущие критики и литературоведы представляли главные направления литературы и русской философско-эстетической мысли (от «синтетического модернизма и богоискательства» — до марксизма), а также основные «лица» русской литературы этого периода. Именно в этой «Истории» в самостоятельную главу («Индивидуализм и общественность как методологические принципы») выделены вопросы самой гуманитарной науки, тех интеллектуальных стратегий нового века в исследовании русской литературы, которые складывались и развивались в то время: «имманентный метод», социологический метод исследования («литературный коллективизм»), формализм («отношение к литературе как эволюции форм»), психологизм («метод отъединения личности от общества»)⁵. Новый век уже в его начале дал разнообразные формы переплетения политики и индивидуальности, общественности и художественных направлений, литературы и литературоведческой мысли, завязав ход литературных событий на переломных вехах политической истории России.

Оп. 2. Ед. хр. 20. Л. 98).

⁵ Цит. по современному переизданию: [7, с. 10–16].

Предлагая свою периодизацию новой и новейшей русской литературы, отмечая, что на рубеже XIX и XX в. отечественная литература пережила «геологический переворот»⁶ и подошла к «роковой грани», Венгеров подчеркивал, что свой основной путь, путь «беззаветного искания правды», русская литература, «чуткая к страданию прежде всего», сохранила и развивается по своим внутренним законам⁷.

Многие из авторов первой «Истории русской литературы XX века» будут участниками литературной жизни после 1917 г. (кто — в советской России, кто — в эмиграции), но они уже никогда не смогут продолжить начатую ими «Историю...». В исследование русской литературы XIX в. уходят Н.К. Пиксанов, А.Е. Грузинский, Г.И. Чулков — этим филологам мы обязаны фундаментальными текстологическими работами, подготовкой изданий русских классиков, воспитанием целой плеяды молодых историков русской литературы XIX в. Не соберутся более под общей крышей «Истории русской литературы XX века» Д.В. Философов и П.Н. Сакулин, В.Л. Львов-Рогачевский и П.С. Коган, А.Г. Горнфельд и В.А. Базаров — каждый из них будет выстраивать свою версию истории русской литературы XX в. Объединяет их работы, посвященные уже послеоктябрьскому периоду русской литературы, прежде всего неизменная увязка процессов этого нового исторического периода России, страны, сменившей даже свое имя (СССР), с литературной ситуацией начала века, внимание к методологическим вопросам изучения истории русской литературы — предмету науки, периодизации, национальной специфике русской литературы.

Представители академической филологической науки (А.И. Белецкий, В.Н. Перетц, П.Н. Сакулин) также участвовали в идущих с 1910-х гг. дискуссиях о предмете истории русской литературы, ее периодизации и принципах создания. В наследии академика Перетца особую ценность для нашей темы имеют его работы «Из лекций по методологии истории русской литературы» (1914) и «Краткий очерк методологии истории русской литературы» (1922). Адресованные молодому поколению филологов начала XX в., они не утратили своей актуальности, представляя, во-первых, обширный библиографический материал и, во-вторых, базовые положения, относящиеся к постановке вопросов создания *научной* истории русской литературы: «...историк литературы не защитник, не обвинитель, не проповедник; он лишь лабораторный исследователь,

⁶ Венгеров С.А. Основные черты истории новейшей русской литературы. 2-е изд. СПб: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1909. С. 40.

⁷ Там же. С. 44, 61.

изучающий генезис явлений и анализирующий их взаимную связь. Роль публицистически построенной истории литературы (а таких мы знаем несколько) — чисто агитационная, и потому все они далеки от идеала научного труда», потому что «адресуются к слепому доверию»⁸.

Вопрос «о возможности построения научной истории русской литературы» Перетц относил к «спорным», считая, что для этого нет еще научной базы — достаточного запаса знаний, широко поставленных исследований отдельных вопросов той или иной эпохи. «Историю русской литературы XX века» под редакцией Венгерова Перетц относил к подготовительным материалам: «Сборник характеристик и автобиографических материалов, не могущих, однако, претендовать на название “истории”»⁹. К «спорным вопросам» Перетц причислял деление русской литературы на периоды: «...в сущности спор о периодизации истории русской литературы — спор бесплодный и теоретически излишний»¹⁰. Это утверждение Перетца относится к спорам о хронологических границах «новой литературы», но общая исследовательская логика оставляет это утверждение актуальным и для нашей темы. Перетц назвал 9 обстоятельств, «препятствующих обнаружению научной истины путем исследования», о которых должен помнить историк литературы. Они звучат, как написанные сегодня: «воспитание в духе господствующих в окружающих исследователя среде понятий о привилегированности, избранничестве какого-либо общественного класса»; «воспитание в духе господствующих понятий о “художественном”, “прекрасном”»; «поспешность в выводах и оценках, не опирающихся на долгое, обстоятельное и всестороннее обследование вопроса»; «предпочтение ленивой мысли пользоваться чужими *мнениями* в ущерб *фактам*»¹¹ и др.

В современных гуманитарных стратегиях (равно у социологов и формалистов) Перетц видел утрату интереса, а то и вовсе игнорирование внутренней цельности русской литературы как литературы национальной. Повороты и колебания в литературе идеалов этических, эстетических, политических всегда остро ощущает прежде всего критика. Свойственный критике «историко-политический метод изложения» не учитывает, считал ученый, что в динамике

⁸ *Перетц В.Н.* Краткий очерк методологии русской литературы. Пособие и справочник для преп., студ. и для самообразования. Пг.: Academia, 1922. С. 35.

⁹ Там же. С. 119.

¹⁰ Там же. С. 109.

¹¹ Там же. С. 17. Здесь и далее в цитатах разрядка заменена курсивом.

европейской и русской литературы срабатывает определенный закон и литература специфично реагирует на политические повороты.

Сформулированные Перетцем вопросы фокусируют в себе самые разные темы, равно актуальные для изучения истории новой и новейшей русской литературы:

Вполне закономерное в области литературной критики одобрение или неодобрение литературных произведений — с точки зрения истории литературы есть вещь совершенно лишняя и посторонняя науке¹²;

Отрицать соотношение между политической жизнью и литературными явлениями нельзя, но нельзя возводить литературные явления к явлениям жизни политической, как к главным причинам, обуславливающим их возникновение. В самом деле, действительно ли всегда подавление гражданских свобод совпадает с упадком литературы? <...>

Представители историко-политического метода стараются втиснуть литературное развитие в рамки политических отношений и вывести из последних не только идейное содержание, но и форму поэтических произведений. Но Фет, например, мог существовать при каком угодно режиме¹³;

При этом укоренилось своего рода предвзятой мнение, что эпохи расцвета политической и общественной жизни, наличность гражданских свобод — совпадают с расцветом литературного творчества и даже обуславливают этот расцвет. <...> Анализ фактов обнаруживает, что расцвет искусств и литературы далеко не всегда совпадает с расцветом политической жизни народа; напротив того, иногда даже эпохи политического застоя, инерции и упадка политических свобод — как раз совпадает с эпохами создания величайших произведений художественного творчества¹⁴.

Вопрос о фоне Перетц, а вслед за ним и Сакулин, рассматривали как «пограничные» явления, связанные с колебаниями политического курса, и предлагали их анализировать как документы времени,

¹² Перетц В.Н. Из лекций по методологии истории русской литературы. История изучения. Методы. Источники. Киев: Тип. 2 артели, 1914. С. 20.

¹³ Там же. С. 129–130.

¹⁴ Перетц В.Н. Краткий очерк методологии русской литературы. Пособие и справочник для преп., студ. и для самообразования. Пг.: Academia, 1922. С. 36.

памятники истории, какие существовали со времен создания «Домостроя» и т. п.

Манифестировать о новой литературе, принципиально новом периоде русской литературы можно сколько угодно, иронизировал Сакулин по поводу особого внимания критиков и литературоведов к литературным манифестам, которыми было так богато первое советское десятилетие («...страсть издавать манифесты становится всеобщей»), однако не они определяют сущность того или иного литературного периода и его открытия. Разным системам периодизации русской литературы, предложенным как отечественными, так и европейскими славистами, посвящена в монографии Сакулина отдельная глава¹⁵. Он отмечает условность периодизации по десятилетиям («тридцатые годы», «сороковые годы», «шестидесятые годы»), останавливается на периодизации русской литературы по условиям идейно-политической жизни, «по царствованиям», когда «у нас все крупные государи от Петра I до Николая I, традиционно становились во главе периодов литературы»¹⁶; доказывает очевидную слабость периодизации «по царствованиям»: «...деление по царствованиям, очевидно, нужно признать чисто внешним, потому что оно покоится на гетерогенном начале, которое в известных случаях может определять течение литературной жизни, но никогда не составляет ее сущности»¹⁷. Да, у каждого периода русской литературы есть своя политическая жизнь, и она должна быть изучена и описана, но сужение периодов, особенно «периодизация по десятилетиям» и «царствованиям», крайне негативно срабатывает прежде всего в попытках реконструкции и анализа магистральных линий развития самой литературы. Формирование стилей, типов творчества, эволюцию писателя можно реконструировать лишь исходя из гипотетического характера деления на периоды: «Деление на периоды в истории литературы должно исходить не из гетерогенного, а из *автономного*, *автогенного* принципа»¹⁸, ибо, резюмирует ученый, хронологические моменты для истории литературы те, когда совершается смена целых литературных течений:

От историка литературы мы вправе ждать, что, поднявшись над массой разрозненных фактов, он выделит основные магистральные

¹⁵ Сакулин П.Н. Синтетическое построение истории литературы. М.: Мир, 1925. С. 51–66.

¹⁶ Там же. С. 60.

¹⁷ Там же. С. 61.

¹⁸ Там же. С. 65.

движения и наметит те хронологические моменты, когда совершалась смена целых литературных течений. Каждый цикл литературных явлений, представляющий известное внутреннее единство, образует то, что можно назвать периодом¹⁹.

Основные положения Сакулина, посвященные периодизациям русской литературы по десятилетиям и «по царствованиям», звучат вполне актуально. Столь же актуален и тезис об условных границах периода: сознание за XX в. так привыкло к идеям революции, детерминации, прогрессивного развития литературы, что с трудом гуманитарно-общественная мысль усваивает эволюционный закон исторической инерции, что действует в жизни, истории, языке и в литературе, где «качественным скачкам» предшествуют длительные ряды накоплений, отрицаний и самоотрицаний:

Науке более свойственно признать реальные факты и сказать: есть писатели и направления, есть поэты и поэзия, есть литераторы и литература. Задача науки в том и состоит, чтобы в порядке изучения и изложения уравновесить индивидуальное и общее²⁰.

Сакулин предлагал создать единый методологический фронт в исследовании истории русской литературы — всех ее периодов, предупреждая еще в те годы, что разрыв в методологиях исследования древнерусской и новой литературы носит «роковой характер». Литература той или иной эпохи должна быть представлена в виде «многоярусного здания» — пирамиды, в основании которой должна находиться литературная жизнь. Литературный процесс не бывает однонаправленным: во-первых, потому что у каждого слоя русской жизни (у дворянского, мещанского, крестьянского) всегда были свои книги; во-вторых, в самой ее истории русская литература самых верхних слоев всегда любопытствовала о народной культуре с ее крестьянским искусством и преданиями (Пушкин, Толстой) и о литературе «мещанских слоев» (Гоголь, Достоевский). В этом тезисе Сакулин следовал традиции, сформулированной Ф.И. Буслаевым и на которой настаивал Перетц, назвавший исследовательскую традицию «шагать от знаменитости к знаменитости, минуя “второстепенных” и “третьестепенных” писателей», своеобразным «литературным аристократизмом»²¹. Странно, резюмирует Сакулин, но

¹⁹ Там же. С. 66.

²⁰ Там же. С. 45.

²¹ *Перетц В.Н.* Краткий очерк методологии русской литературы. Пособие

историк, обязанный изучать *все слои* литературы и литературной жизни, был всегда к низовой литературе равнодушен. Как результат, само широкое понятие «русская культура» рассматривалось (добавим: и рассматривается) сугубо с точки зрения историко-генетических задач, а не реального состояния самой *многослойной* русской культуры, ее многих слоев. Следствием «уплощения» понятия литературной жизни явилось сведение литературных вкусов читателей к мнению критиков. Смеем заверить, настаивал Сакулин, ссылаясь на фундаментальную работу Белецкого 1922 г. и цитируя ее: «...история литературы не только история писателей, но и история читателей»²². Заметим, что к основным положениям работы Белецкого «Об одной из очередных задач историко-литературной науки (Изучение истории читателя)» (1922) исследователи советского периода русской литературы XX в. вернулись уже в конце XX – начале XXI в.²³

Из основания пирамиды русской литературы практически исчез не только читатель (он заменился критиком), исчезла и устная поэзия русского народа каждого периода. Последний тезис Сакулин развернул по отношению к новейшей литературе:

Устная поэзия существует с древних времен, параллельно с книжной литературой. Факт их взаимодействия общеизвестен и давно освещен в науке. Нужно лишь продолжить эти параллельные линии и во все последующие эпохи, следя, во-первых, эволюцию самой народной поэзии, и, во-вторых, ее исторические связи с литературным движением в других слоях, вплоть до самого верхнего. Тогда получают свое научное освещение такие факты, как «русский стиль» в поэзии XVIII в., как поэтический стиль Кольцова и Некрасова, как фольклоризм новейших писателей, как творчество Н. Клюева, Сергея Есенина и целой плеяды крестьянских (да и пролетарских) поэтов²⁴.

Как важнейший элемент литературной жизни Сакулин предлагал рассматривать произведения переводной литературы и публикации классиков, не в меньшей степени, чем критика, отражающие литературные вкусы анализируемой эпохи: «...литературную жизнь эпохи создают не только писатели (и их произведения), но и писате-

и справочник для преп., студ. и для самообразования. Пг.: Academia, 1922. С. 20–22.

²² Сакулин П.Н. Синтетическое построение истории литературы. М.: Мир, 1925. С. 30.

²³ См.: [3, с. 9–21; 4, с. 630–632].

²⁴ Сакулин П.Н. Синтетическое построение истории литературы. М.: Мир, 1925. С. 38.

ли (и произведения) *прошлого*, может быть, даже далекого прошлого, если они почему-либо получили особое значение для писателей или для читателей эпохи»²⁵.

Если мы заполним все эти вертикальные пласты литературной жизни, то получим, писал Сакулин, структуру истории русской литературы, обладающую «желательной устойчивостью»²⁶.

Историки дореволюционной школы (П.Н. Сакулин, В.Л. Львов-Рогачевский, Е.Ф. Никитина, П.С. Коган), оставившие нам богатейшее наследие, вписывали литературу первого советского десятилетия в общую историю русской литературы XX в., историю новейшей русской литературы. Сколь бы ни были популярны в 1920-е гг. самые разные опыты переименования современной русской литературы, акцентировавшие слово «новая», схема преемственности сохранялась, о чем свидетельствуют сами названия литературоведческих исследований: «Новейшая русская литература» (7-е изд., 1927) Львова-Рогачевского, «Русская литература от символизма до наших дней» (1926) Никитиной, «Очерки современной русской литературы» (1925, 1928 — «Современная русская литература») Г.Е. Горбачева, «История русской литературы с древнейших времен до наших дней» (1929) Когана и др.

Отправным пунктом в исследовании литературного процесса XX в. Никитина предлагала рассматривать символизм как «предельный момент в развитии старого искусства»²⁷. При данной точке обзора картина послереволюционного развития литературы смотрится как взаимодействие самых разных течений, направлений, групп, генезис которых Никитина относит не к 1917 г., а 1910 г. (кризис символизма) и времени Первой мировой войны. Подобный сдвиг в периодизации истории русской литературы был достаточно распространенным прежде всего в среде самих писателей, и из этого исходила не только Никитина, отодвигая новый период русской литературы то к 1910 г., то к 1914 г.

Обращение к генетическим корням самых разных явлений литературы первого советского десятилетия — общая черта названных работ историков литературы 1920-х гг. В книгах Львова-Рогачевского этот подход закреплён в предложенной им периодизации, а также в структуре книги «Новейшая русская литература» (1927). Изменению и потрясению основ национальной жизни соответствовали,

²⁵ Сакулин П.Н. Синтетическое построение истории литературы. М.: Мир, 1925. С. 28.

²⁶ Там же. С. 37.

²⁷ Никитина Е.Ф. Русская литература от символизма до наших дней. М.: Никитинские субботники, 1926. С. 7.

по мнению историка, определенные периоды литературы со своим героем и стилем. В исторической периодизации ученым выделяются войны (1812, 1853–55, 1904–1905, 1914–1918) и «моменты исключительные в русской истории», к которым он относит такие разные события, как 14 декабря 1925 (восстание декабристов), 1 марта 1881 (убийство Александра II), голод 1891, холеру 1892 г. В литературном процессе этим переломным моментам истории соответствуют свои периоды: первый период (1812–1855) «связан с крепостной Россией, с *дворянской усадьбой*, с дворянской культурой, с писателем и героем из дворянского гнезда». Пореформенным временем с его отношениями определяется ареал второго периода — «с городским чердаком и подвалом, с *крестьянской избой*, с писателем-разночинцем и кающимся дворянином, с героем-отрицателем и героем-народником. Оба периода разворачиваются на фоне деревенской России». Третий и четвертый периоды — это уже новейшая русская литература; она развивается на фоне *городской* России и также несет на себе печать времени, где доминирует не «власть земли», а «власть капитала»; главными представителями литературы являются писатели города, а их герои — горожане». Пятый период «открывается после войны 1914–18 гг. в бурные годы революции 17–21 гг., когда на авансцену истории выступили пролетариат и крестьянство»²⁸.

Датируя начало периода новейшей русской литературы 80-ми гг. XIX в., Львов-Рогачевский дробит его на более локальные промежутки, выделяя «пики» более мелких временных периодов, исходя во многом из процессов, происходивших прежде всего в общественно-литературной жизни. Первый «пик» новейшей литературы — 1905 г., второй связан с войной 1914 г. и революцией 1917 г.; в другом месте книги как «пограничный период» вычленяется 1917–1921 гг. В данном случае меняется сам принцип периодизации: он идет, во-первых, от форм литературной жизни, во-вторых, от оппозиции реализма и модернизма, одной из ключевых для литературного процесса начала XX в.:

В русской революции с 17-го по 24-й было два периода: период бури и ломки, разрушения и отрицания, крушения старого быта, низвержения старых классов, период *безбытицы* и период, когда из революционного хаоса стала выявлять лицо свое новая Россия...²⁹.

²⁸ *Львов-Рогачевский В.Л.* Новейшая русская литература. М.: Мир, 1927. С. 12. Здесь и далее разрядка заменена курсивом.

²⁹ Там же. С. 413.

Соответственно для литературного процесса в первый период характерно обилие группировок, особенно поэтических (на первом плане в период военного коммунизма была лирика), программ, целый «кафейный период русской литературы», доминирование тем распада, беспредметности, определенная символическая стилистика — метельный хаос, в котором звучат «голоса заблудившихся и заблудших». «В Европе уверяли, что “Россия во мгле”, в России уверяли, что у нас “вдоль по улице метелица метет”»³⁰ — в этой образной характеристике, при всем ее импрессионистическом характере, так свойственном стилю работ Львова-Рогачевского, действительно много уловлено в характере эпохи военного коммунизма и отмечена та центральность, которая в литературной жизни этого периода будет волей самой историко-литературной жизни отведена поэме Блока «Двенадцать», определившей «блоковские» и символистско-модернистские линии в литературе первой половины 1920-х гг. В прозе — это концепция героя-массы, возмездия, «двух миров», «оздоровляющего варварства» («Голый год» Б. Пильняка, «Падение Даира» А. Малышкина, «Партизанские повести» Вс. Иванова, «Чапаев» Д. Фурманова, «Железный поток» А. Серафимовича) и человека-артиста, симфонической личности, пытающейся переступить порог «бездны» между народом и интеллигенцией и «встать в круг» общей исторической жизни («Города и годы» К. Федина).

Львов-Рогачевский был единственным среди оставшихся в советской России историков литературы, кто предложил многополюсную и многоярусную структуру новейшей русской литературы. Как самостоятельные в книге «1917–1927. Художественная литература революционного десятилетия» (1927) представлены два литературных процесса — в советской России (глава «Есть ли у нас в РСФСР художественная литература?») и в эмиграции (глава «На берегах Вавилонских»), у которых, отмечал Рогачевский, разные логики развития, ибо различным оказался даже основной состав писателей советской России и эмиграции.

Вопрос «объединения» двух разных культур (дворянской и новейшей) историк предложил решать, исходя из основной проблематики русской литературы и ее целостности. Генезис художественных миров, течений и направлений, утверждал Львов-Рогачевский, показывает, что в новейшей русской литературе сохраняется память *всех пространственно-временных ареалов* русской литературы XIX–XX вв. Эта концепция была закреплена и в структуре книги

³⁰ Там же. С. 415.

«Новейшая русская литература»: часть 1 — «Писатели, связанные с усадьбой» (Л. Толстой, А. Фет, И. Бунин, Б. Зайцев, Ив. Новиков, А. Куприн, А.Н. Толстой, С. Сергеев-Ценский, Н. Гумилев); часть 2 — «Городская Россия» (Ф. Достоевский, «торжествующий мещанин» (В. Гаршин), В. Короленко, А. Чехов, «символисты-декаденты», К. Бальмонт), часть 3 — «Предреволюционная эпоха» и т. д. Заключала третью часть книги глава 20 — «Будущее русской литературы», с подзаголовком («Футуризм или реализм»): объединение двух потоков русской литературы Львов-Рогачевский видел в фигуре Пушкина. В книге «1917–1927...» теме будущего русской литературы посвящена отдельная глава «Вперед от Пушкина. Вперед от классиков», название которой говорит само за себя.

Отметим, что из многих оригинальных наблюдений Львова-Рогачевского во второй половине XX и начале XXI в. формировались целые направления и темы больших научных проектов. Среди историков русской литературы 1920-х гг. Львов-Рогачевский, пожалуй, единственный, кто не просто в 1927 г. возразит «Злым замечкам» Н.И. Бухарина, но их откомментирует как историк русской литературы, причем, равно в той части, что относится к новокрестьянской поэзии (об этом чаще всего пишут), так и — пролетарской, в оценках которой Бухарин разделял позицию Л.Д. Троцкого:

Н. Бухарин забывает, что со временем, когда читатели, когда историки захотят узнать радости и муки наших дней, они прежде всего начнут изучать пролетарскую литературу, творчество участников эпохи³¹.

Вполне убедительно растолковывал Львов-Рогачевский и бесполезность борьбы с «есенинщиной», которой попросту прикрыта, по его мнению, борьба с русским стилем в самой жизни и литературе. Прочитав знаменитые есенинские строки из «Руси советской» — «Отдам всю душу Октябрю и маю, / Но только лиры милой не отдам», Львов-Рогачевский заключал их историческим комментарием:

Это был разлад не только в Есенинском сердце, а в сердцах и тысячах его современников, которые плакали над его стихами. И если была у нас когда-то чеховщина, надсоновщина, то была и еще будет

³¹ Львов-Рогачевский В.Л. 1917–1927. Художественная литература революционного десятилетия. М.: Мир, 1927. С. 36.

есенинщина.<...> Многие из его почитателей могли бы сказать: «Мы в Есенине, а Есенин в нас»³².

Работы Когана 1920-х гг. по истории русской литературы представляют диаметрально иной полюс гуманитарной науки. По его книгам можно увидеть, как складывалась собственно советская методологическая модель истории русской литературы. Авторитетный историк западно-европейской литературы с дореволюционным стажем, Коган рассматривал историко-литературный процесс как поступательную смену разных литературных направлений и течений. В книге «Литература великого Х-летия» (1927) предложенная им периодизация зафиксирована уже в названии глав: «Накануне Октября», «Пролетарская литература», «Попутчики». Первый период, посвященный анализу основных направлений русской литературы начала XX в., определялся как безусловный «провал»³³, подчеркивался антисоциальный характер основных ее направлений в их отношении к Октябрю: «Немного уцелело от нее и органично вошло в новую жизнь. Большинство... не приняло революции — либо бежало, либо замолкло, либо отдалось воспоминаниям»³⁴.

Литературные явления, как в их генезисе, так и в результатах развития, оценивались Коганом с двух позиций: социально-политической (революционное и реакционное) и эстетической; причем, в обеих позициях доминируют традиции радикального прогрессизма:

В середине девяностых годов впервые обозначились ясные очертания двух умственных течений, из которых одно, несмотря на перебои и отклонения, в общем можно назвать идеологической подготовкой Октября, другое объединяло и группировало силы ему враждебные, то, что довершало прошлое, традиции эстетизма, мистики и индивидуализма³⁵.

Систематизируя опыт новой русской литературы, Коган выделял основные составляющие ее содержания: 1) «Отмена бога, замена его человеком и человеческим гением»; 2) новый герой литературы — «человек-творец, вооруженный научным знанием и волей»; 3) новое

³² Там же. С. 38.

³³ Коган П.С. Литература великого десятилетия. М.; Л: Московский рабочий, 1927. С. 13.

³⁴ Там же. С. 51.

³⁵ Коган П.С. Очерки по истории новейшей русской литературы. М.; Л.: Госиздат, 1929. Т. 4. С. 4.

решение проблемы человеческого бессмертия (человек «будет умирать спокойно, зная, что его смерть не есть смерть целого, что она — момент жизни и развития этого целого»)³⁶.

В соответствии с этими историко-политическими установками даются литературные портреты эмигрировавших русских писателей и работающих в советской России. Об эмигрантах: Дмитрию Мережковскому не дано понять, что «народ как мистически постигаемая “сущность” — плод фантазии»³⁷; Леонид Андреев и Константин Бальмонт — «...начали с тоскливого вопроса небу. Оба пренебрегли землей. И оба погрузились в свой внутренний мир. Один нашел там ужас. Другой — солнце. <...> И оба не умолкли вовремя»³⁸ и т. п. С точки зрения партийной, особых «заморочек» с оценками эмигрантов не было. Хуже оказалось с теми русскими писателями советской России, которые последовательно демонстрировали как в творчестве, так и в прямых своих высказываниях, что судьбы российской государственности и русской литературы превышают для них обычные классово-партийные требования. Марксистская критика не уставала приводить яркие примеры подобных позиций писателей советской России, «внутренних эмигрантов», в частности регулярно цитируя публикации знаменитых автобиографий и выступлений Серапионов.

Коган опишет содержание и параметры самого явления русской литературы как в эмиграции, так и в советской России, — это: 1) «мистически-религиозное сознание»³⁹, 2) «старая интеллигентская традиция о независимости писателя», 3) «национализм», 4) «симпатии к большевикам не на почве понимания марксистского пути, а на почве той анархии, которой ознаменовались первые годы революции», 5) «самое главное — любовь к мужицкой России»⁴⁰. К десятилетию Октября перевести русскую литературу на «рельсы пролетарской идеологии» не удалось, что зафиксировано в самой попытке структурирования литературного процесса в книге «История русской литературы. С древнейших времен до наших дней» (1929). 39 глав о русской литературе от фольклора до рубежа XIX–XX вв., 8 глав о литературе начала века, далее — 21 глава, посвященная новейшему периоду и включавшая попеременно проблемно-тематические и именные главы:

³⁶ Там же. С. 186–187.

³⁷ Там же. С. 53.

³⁸ Там же. С. 210.

³⁹ Там же. С. 246.

⁴⁰ Там же. С. 229.

48. Октябрьская революция. Пролетарская поэзия. «Кузница». Завод.
49. Коллективизм. Космизм.
50. Материализм в поэзии «Кузницы». Ее эстетика.
51. Проза «Кузницы». Движение против «Кузницы».
52. Эпоха «Октября». Гражданская война в пролетарской литературе. Серафимович.
53. Фурманов. Малышкин.
54. Неверов.
55. Либединский
56. Федор Гладков
57. Демьян Бедный
58. «Молодая гвардия». Безыменский
59. Жаров. Светлов. Доронин.
60. «Леф». Маяковский.
61. «Попутчики». «Серапионовы братья»
62. Борис Пильняк. Всев. Иванов
63. Сейфуллина. Леонов
64. Есенин и вопрос об упадничестве.
65. Литературные теории и критика в октябрьскую эпоху.
66. Напостовство.
67. Споры о пролетарской литературе и культуре.
68. Литература и политика.
69. Резолюция партии о литературе⁴¹.

Предложенное структурирование отражало как авторские предпочтения⁴², так и общую установку на создание такой истории русской литературы, кульминацией которой является ее принципиально новый этап, тот, что позже войдет в понятие «советской литературы».

⁴¹ Коган П.С. История русской литературы с древнейших времен до наших дней. М.: Молодая гвардия, 1927. С. 180–268.

⁴² Так, к примеру, две главы книги посвящены литературной группе «Молодая гвардия», прежде всего — комсомольской поэзии. Для сравнения: Львов-Рогачевский считал эту генерацию поэтов, «гамлетизированных комсомольцев», творчество которых отличают «голый тематизм», «трафаретный идеологизм» (*Львов-Рогачевский В.Л.* 1917–1927. Художественная литература революционного десятилетия. М.: Мир, 1927. С. 44–45), всецело политическим явлением, не имеющим отношения к русской литературе. Коган посвятил творчеству лидера литературной комсомолки — А. Безыменскому — восторженную статью, в которой доказывалось идейное новаторство его поэзии (см.: Коган П.С. Безыменский // Октябрь. 1925. № 8. С. 113–120; идеи этой статьи развиваются и в монографии 1929 г.: отмечается, что в лирический герой Безыменского наделен «ликующим весельем» и «чувством победителя», проявляющимися в его подходе ко всем явлениям и событиям момента (*Коган П.С.* Очерки по истории новейшей русской литературы. М.; Л.: Госиздат, 1929. Т. 4. С. 218).

Однако, закваска начала века, участие в венгеровской «Истории русской литературы XX века» и ее установки, не могли не проявить себя, что нашло отражение не только в периодизации, но и в описании попутничества как явления литературы, тождественного *самой* России:

Попутчики — это писатели о той огромной, многообразной России, среди которой приходится действовать авангарду революции. <...> Тот мир, который приходится втягивать в революционное дело, оказался пестрым, с различными степенями сопротивляемости на разных концах России. Путническая литература возникла в недрах этого сложного и пестрого мира. Если бы не было ее, мы не узнали бы того бесконечного разнообразия мирозерцаний и стремлений, того хаоса, среди которого революция осуществляет свои великие задачи. Эта литература прежде всего глубоко реалистична <...> В короткое время страна описана так реально, так ярко и детально, как давно уже не делала этого русская литература. <...> Литература сделалась областной⁴³.

Воистину, в этом высказывании не разделить интонаций восхищения, уныния, возмущения и признания выдающихся заслуг попутничества перед историей страны...

Пролетарскую литературу, прошедшую во многих своих этапах через своеобразное отрицание и возврат, необходимо было спасти. Коган понимал, что спасти может только крупная литературная фигура, в которой прежде всего воплотились бы разрыв с миром русской деревни и с «крестьянской психикой». На эту роль мог претендовать лишь Максим Горький. Как теоретик Коган предложил провести смену терминологии — «перестройку самой классификации» пролетарской литературы: «Не Горького приходится определять как пролетарского писателя, а благодаря Горькому углубить и расширить наши представления о сфере творчества пролетарского писателя»⁴⁴. Этот методологический ход на десятилетия войдет в работы советских ученых, нанеся равный вред всем — фигуре Горького, его современникам и изучению русской литературы советского периода.

Рассмотрение литературного процесса с позиции борьбы пролетарской и попутнического крыла литературы находилось в 1920-е гг.

⁴³ Коган П.С. История русской литературы с древнейших времен до наших дней. М.: Молодая гвардия, 1927. С. 225–228.

⁴⁴ Там же. С. 255.

в центре партийно-государственной стратегии и тактики власти. Резолюцию ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» (от 18 июня 1925 г.) одобрительно восприняли многие писатели, расценив этот документ как помощь государства в прекращении террора напостовских критиков. Как элемент общего плюралистического сознания 1920-х гг., как подлинно ленинская политика в области культуры резолюция 1925 г. рассматривалось в работах 1960–1980-х гг. Удивительно, но к оценке Когана практически никто не обращался.

Из всей резолюции Коган выделил не тактический вопрос (существование попутчиков и пролетарских писателей), а стратегический, те пункты постановления, в которых речь идет о том, чего еще нет — о содержании и форме советской литературы⁴⁵. Партийный документ определил содержательные элементы той новой литературы, которая будет называться «советской» и которая должна быть создана: во-первых, она должна быть рассчитана «на действительно массового читателя, рабочего и крестьянского» и, во-вторых, должна быть выработана форма, «понятная миллионам». Лишь в этом случае, резюмирует резолюция, «советская литература и ее будущий пролетарский авангард смогут выполнить свою культурно-историческую миссию, когда они разрешат эту великую задачу»⁴⁶. Именно в этих пунктах резолюции сформулированы, справедливо писал Коган, стратегические требования к современной литературе, позволяющие наконец-то очистить ее поле от «вековых» представлений о русской литературе. Резолюция, делает вывод Коган, резюмировала результаты совещания при отделе печати ЦК РКП(б) от 9 мая 1924 г:

В истории литературы мы не знаем другого примера, когда вопрос о целях и задачах литературы решался не литераторами, а политической партией <...> При всех разногласиях отдельных участников совещания основная предпосылка молчаливо была признана всеми. Эта предпосылка — та мысль, что искусство и литература должны быть включены в общий план строительства новых форм жизни⁴⁷.

⁴⁵ Думается, не без полемики с партийными документами 1924–1925 гг. Львов-Рогачевский в 1927 г. заключительную в своей книге главу «Будущее русской литературы» посвятил пушкинской традиции в русской литературе 1920-х гг.

⁴⁶ Цит. по: [1, с. 380].

⁴⁷ Коган П.С. История русской литературы с древнейших времен до наших дней. М.: Молодая гвардия, 1927. С. 254.

В 1929 г. Коган честно признавался, что «при современном состоянии науки еще нет возможности создать строго марксистский учебник литературы», что его работа это лишь подступы к его созданию, что главным для него было провести «изнутри» марксистскую точку зрения в оценке литературных явлений школ, направлений, писателей и что «эта точка зрения принята недавно на совещании марксистов-историков литературы, которым поручена подготовка огромного десяти томного труда по истории литературы XX века»⁴⁸. Во главе этой группы стоял Покровский, заместитель наркома просвещения, историк-марксист, проводивший в 1920-е гг. партийную точку зрения на историю России. Основные положения историков-марксистов изложены в статье «За ленинский учебник по истории русской литературы», вошедшей в первый том «Литературного наследства» (1931). В статье была предложена партийная оценка основных историко-литературных исследований первого советского десятилетия и их авторов: «буржуазный эпигон» (Львов-Рогачевский), «меньшевистское литературоведение» (Переверзев), «троцкистская контрабанда на литературоведческом фронте» (Горбачев) и т. п.⁴⁹. Первый том «Литературного наследства» выходил под грифом РАППа и ЛИЯ Комакадемии.

Партийная критика школы Покровского (постановление 1934 г. о преподавании отечественной истории), забвение имен литературоведов-марксистов 1920-х гг. не изменяют общую методологическую линию исследования советского периода русской литературы, наиболее четко, ярко и последовательно изложенную в работах именно Когана. Это проявит себя в периодизации; в концепции прогрессивного развития истории литературы; в разработках проблематики героя в советской литературе; в проведении марксистской точки зрения в дискуссиях о ключевых фигурах новейшей литературы и о произведениях, смысл которых читатель мог бы понять неверно (антиесенинская кампания 1926 г., дискуссии о сатире и историческом романе первой половины 1930-х гг., дискуссия о трагическом и о романе «Тихий Доне» 1940 г.).

«Разрыв постепенности»⁵⁰ в истории русской литературы, связанный с 1917 годом, естественно, тогда оценивался положительно, но при этом *никто* из историков первого советского десятилетия

⁴⁸ Там же. С. 3.

⁴⁹ За ленинский учебник по истории русской литературы // Литературное наследство. М.: Журнально-газетное объединение, 1931. Т. 1. С. 297–321.

⁵⁰ Определение критика Лежнева, предложенное в статье, посвященной послеоктябрьскому десятилетию русской литературы: Лежнев А. Художественная литература // Печать и революция. 1927. Кн. 7. С. 81–82.

не снимал вопроса об *органической* связи исканий как в поэзии, так и в прозе 1920-х гг. с литературой начала XX в.

Вопросы создания собственно истории советской литературы начали активно ставиться еще до Первого Всесоюзного съезда писателей. Новое имя для пореволюционной литературы – «советская литература», появилось в названной выше партийной резолюции 1925 г. Сначала за государственный заказ срочной подготовки «Истории советской литературы» отвечала Комакадемия, где в 1933 г. в Институте литературы и языка обсуждалась общая структура труда, составлялся список авторов, была предложена периодизация советского литературного процесса. В ходе обсуждений на редакционной комиссии принимается схема трехтомной истории: т. 1 — «Эпоха военного коммунизма (1917–1921)», т. 2 — «Советская литература в эпоху нэпа», т. 3 — «Советская литература в эпоху социалистической реконструкции и вступления в социализм»⁵¹. Сразу отметим, что участниками этого несостоявшегося труда были ведущие советские критики, подготовившие в 1933 и 1934 гг. коллективные монографии, посвященные советской литературе; в основном они были выполнены в период подготовки первого съезда писателей⁵². От работы над запланированной историей литературы в архиве Комакадемии сохранилась машинопись коллективного труда «История советской литературы. Сборник статей», в котором, кажется, отложились некоторые материалы из запланированного первого тома⁵³, посвященного литературе эпохи военного коммунизма. Об этом свидетельствует тематика пяти больших статей, представляющих особый интерес и по-своему мотивирующих выбранную периодизацию советского литературного процесса: «О стиле пролетарской поэзии эпохи военного коммунизма (К вопросу о социальной природе “Кузницы”）」 Н. Плиско, «Маяковский эпохи военного коммунизма» Н. Плиско, «Распад символизма»

⁵¹ Протоколы заседаний редакционной комиссии по подготовке издания «История советской литературы» (Архив РАН. Ф. 358. Оп. 1. Ед. хр. 215. Л. 8–20 а).

⁵² См., вышедший под грифом Комакадемии сборник статей: «Советская литература на новом этапе» (Советская литература на новом этапе. Сб. критич. статей. М.: Л.: ГИХЛ, 1934.), который открывался статьей «Новые формы классовой борьбы в советской литературе» Е. Усевич, в это время заместителя директора ЛИЯ, ведущего сотрудника открытого в ходе подготовки съезда журнала «Литературный критик» и члена редколлегии «Литературной газеты».

⁵³ В схеме первого тома, обсуждаемой 10 мая 1933 г. на редколлегии под председательством Е.Ф. Усевич, предполагалось открыть том вступительной статьей А.В. Луначарского; планировались статьи П.Ф. Юдина, Л.Н. Тимофеева, А.П. Селивановского, О.М. Бескина.

(автор не указан), «Пролетарская проза периода военного коммунизма» Н. Сидоренко, «Буржуазно-дворянская и мелкобуржуазная литература накануне и в первые годы Октябрьской революции» Л. Тимофеева⁵⁴.

В статьях сборника мы не найдем ссылок на приведенные выше работы историков литературы первого советского десятилетия, но их влияние очевидно практически в каждом исследовании. Так, например, в сжатом виде в статье «Распад символизма» использованы наблюдения из работ Никитиной и Львова-Рогачевского о блоковско-символистской традиции в поэзии и прозе первой половины 1920-х гг., правда эти наблюдения уже обрамлены жестким социологическим каркасом; читаем: поэма Блока «является художественным документом того, как революция оправдывалась и принималась некоторыми, тогда еще немногочисленными слоями интеллигенции, не пошедшими в лагерь контрреволюции. Недаром многие мотивы “Двенадцати” были впоследствии воспроизведены ранней попутнической литературой — восприятие революции как стихии (образ метели у Б. Пильняка, например), и изображение движущих сил ее как “голытьбы”, и сама проблема морально-этического оправдания революции — несмотря на разрушения, которые являются ее издержками на первом этапе ее развития»⁵⁵. В филигранно точные формулировки отлиты в статье Тимофеева первые опыты анализа литературы эмиграции, предпринятые как в критике, так и в работах историков литературы 1920-х гг. «Судорожная устремленность в прошлое» — это о прозе эмиграции, в том числе о рассказах Бунина из сборника «Солнечный удар» (1925): «...Все рассказы написаны так, что можно подумать, что никакой революции и не было»⁵⁶.

С закрытием Комакадемии (1936) вопросы создания истории советской литературы перешли к Институту мировой литературы и Союзу советских писателей (секции критиков и литературоведов).

Еще до закрытия Комакадемии, сразу после Всесоюзного съезда советских писателей (август 1934 г.), на первом совещании созданной секции критиков и литературоведов при обсуждении большого круга «больных» вопросов современной литературной критики звучала тема отсутствующей истории советской литературы. По меткому замечанию известного критика А. Селивановского, «тревожное положение», сложившееся в критике, зеркально отража-

⁵⁴ Архив РАН. Ф. 358. Оп. 2. Ед. хр. 487. Л. 1–273.

⁵⁵ Там же. Л. 157.

⁵⁶ Там же. Л. 253.

ет факт неудачи двухлетней работы института (ЛИЯ) над созданием первого тома «Истории...»; о причинах неудачи критик не говорил: институт «не смог», и все⁵⁷. В 1935 г. на заседании секции критиков и литературоведов слушали вопрос «Об издании истории русской литературы» (докладчик — литературовед Благой); планировали том, посвященный советской литературе, выпустить к 20-летию советской власти⁵⁸. Опять не смогли, и у того было много причин литературно-политического характера.

Материалы к размышлению об этом этапе работы над «Историей...» представляют две публикации в «Литературном критике»: статья К.Л. Зелинского «Вопросы построения истории советской литературы» (1935, № 12) и опыт незавершенной «Хроники советской литературы за двадцать лет. 1917–1937)» (1937, № 7–12). С периодизацией тоже все оказалось непросто. Если взять за основу литературной периодизации «основное исходное содержание нашей исторической эпохи» — «борьбу двух систем: социализма и капитализма», то историю советской литературы можно поделить на два периода. Первый период — от 1917 до года великого перелома, и после 1929 г., когда все «мелкобуржуазные влияния» будут писателями преодолены. Правда, оговаривался Зелинский, в некоторых случаях (их оказалось немало: мешающее периодизации творчество некоторых писателей, тематическое и стилевое движение в прозе и лирике и т. п.) руководящей является прежняя «общеисторическая периодизация — эпоха военного коммунизма (1917–1921 гг.), НЭП (1921–1925 гг.), подготовка социалистического наступления (1926–1929 гг.), эпоха штурма пятилетки (1929–1933 гг.), построение бесклассового общества» (с 1933 г.)⁵⁹.

После писательского съезда, определившего социалистический реализм основным методом советской многонациональной художественной литературы и литературной критики, с формулировкой задач новой «Истории...» вроде стало понятно: дать картину советского литературного процесса как становления идей и метода социалистического реализма. Казалось бы, пиши данную историю, но тут возникала цепь «главных трудностей», частично описанных Зелинским в конце 1936 г. в письме руководителю ССП В.П. Ставскому:

⁵⁷ Стенограмма первого организационного совещания критиков и литературоведов. 25 октября 1934 г. (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 18. Ед. хр. 6. Л. 19–21).

⁵⁸ Протокол заседания бюро секции критиков и литературоведов. 19 марта 1935 г. (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 18. Ед. хр. 10. Л. 5–6).

⁵⁹ *Зеленский К.* Вопросы построения истории советской литературы // Литературный критик. 1935. № 12. С. 25–27.

...Техническая неорганизованность самого литературного материала, трудность получения необходимой информации из републик и отсутствие при всем том справочно-библиографической службы. Это самая запущенная область нашего литературоведения и «незаметные герои» его — подносчики материала — фактически обретаются в распыленном состоянии где-то на задворках секции критиков. <...> Нельзя, например, по-настоящему писать историю советской литературы, не составив предварительно синхронистического календаря литературы, или не составив для себя тематических графиков, или иных исследований в статистическом разрезе. Все эти работы невероятно трудоемки⁶⁰.

Критик-литературовед точно описал трудности, связанные прежде всего с источниковедческой базой «Истории...», важной как для разработки концептуальных построений, так и истории текстов произведений, созданных в тот или иной исторический период. Выстроить «синхронический календарь» советской литературы в 1930-е гг. было невозможно объективно. Неслучайно предложенная журналом «Литературный критик» (к юбилею революции) «Хроника советской литературы за двадцать лет (1917–1937)» не вызвала восторга у современников и была закончена на 1927 г. Обещанных дискуссий по статье Зелинского журнал не открыл.

Для работы над «Историей...» нужно было срочно утверждать новую периодизацию советского литературного процесса, формировать «правильную» хронику литературной жизни, отобрать главные литературные имена и тексты — все это задачи не из простых, если учесть, что среди «врагов народа» в 1930-е гг. оказались не только такие ключевые фигуры литературно-политического процесса 1920-х гг., как Лев Троцкий, Николай Бухарин, Александр Воронский, Леопольд Авербах, Карл Радек, Иван Беспалов, но и значительные писательские фигуры первого советского десятилетия (Б. Пильняк, Н. Клюев, С. Клычков, И. Бабель, В. Зазубрин, О. Мандельштам, С. Третьяков и др.).

Среди авторов создаваемой в ИМЛИ истории советской литературы, о работе над которой постоянно сообщала во второй половине 1930-х гг. «Литературная газета», числились те же критики, что вели в тридцатые годы, как и в двадцатые, жестокую литературную борьбу. В рабочую редколлегия «Истории советской литературы» входили В.В. Ермилов, М.И. Серебрянский,

⁶⁰ Письма писателей и критиков Ставскому по творческим вопросам (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 138. Л. 87–89). Письмо от 25 октября 1936 г.

К.Л. Зелинский. Среди авторов — также не менее известные имена критиков первых советских десятилетий: И.С. Нович, Р.Д. Мессер, А.С. Гурвич, И.А. Сац, И.М. Нусинов, А. Ш. Гурштейн, О. С. Резник, Г.Н. Мунблит, Е.Ф. Усиевич, Н.И. Замошкин, В.О. Перцов, Г.М. Корабельников, В.Ц. Гоффеншефер, М.Ю. Левидов. Планировалось представить более 100 монографических глав (портретов) о писателях: 51 — прозаиков, 30 — поэтов, 15 — драматургов, 10 — детских писателей. С 1940 г. работа над подготовкой «Истории», имеющей «большой литературно-политический характер»⁶¹, становится общим делом ИМЛИ и Союза писателей. Сопровождения о том, как идет работа, о структуре труда, его задачах и трудностях осуществления этого по сути дела государственного проекта, проходят под председательством А.А. Фадеева как заседания президиума Союза писателей⁶².

Судя по архивным материалам, в 1940 г. работа над двухтомной «Историей советской литературы» вступила в очередной завершающий период. По плану, утвержденному Академией наук и правительством, первый том должен был сдан в производство в 1940 г. и выйти в 1941-м, второй том подготовлен к печати в 1941-м, выйти — в 1942 г. Таким образом, к 25-летию Советской власти издание должно быть закончено, и оба тома представят картину развития советской литературы за 25 лет. «Идея состоит в том, чтобы дать научную историю советской литературы, которая должна раскрыть картину образования, становления нашей советской литературы как литературы Всесоюзной, многонациональной. История должна показать достижения нашей советской литературы как литературы нового типа, социалистической»⁶³, — таков был план и задача этого издания, имеющего огромное литературно-политическое значение.

Однако осуществить эту высокую «идею» и решить поставленные задачи оказалось не так просто. Трудностей на пути создания первой «Истории советской литературы» оказалось немало не только с предоставлением материала из национальных республик, точнее, с почти полным его отсутствием, но и с неясностью общей схемы советского литературного процесса, состава и характера монографи-

⁶¹ Из письма директора ИМЛИ академика И.К. Луппола А.А. Фадееву от 21 октября 1939 г., см.: Протокол заседания президиума Союза советских писателей СССР от 17 февраля 1940 г. (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 438. Л. 14).

⁶² См. протоколы и стенограммы заседаний президиума ССП 1940 г., посвященные обсуждению хода работы над созданием «Истории советской литературы» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 1. Ед. хр. 438).

⁶³ Из выступления руководителя рабочей редколлегии Серебрянского на заседании президиума ССП от 25 января 1940 г. (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 1. Ед. хр. 438).

ческих глав о писателях. Об этом открыто тогда говорилось на всех проходивших заседаниях президиума — говорилось с полным пониманием общей ситуации. Представлявшийся же материал вызывал грустное впечатление даже у самих участников труда. Причин тогда называлось много: кадры (авторский коллектив на 95 процентов представляют критики, которые привыкли к журнально-газетной работе); «привычка писать быстро»; «все пишут по-своему»; «интерес к советской литературе чрезвычайно мал»; «никаких работ историко-литературного характера не было»; «единственный наш литературно-критический журнал <...> фактически стоит в стороне от этого дела»⁶⁴ (речь идет о журнале «Литературный критик», борьба с которым в 1940 г. вступила в завершающий период)⁶⁵; «... это история вчерашнего и даже сегодняшнего дня. Трудно писать историю, когда этот материал своеобразный, живой, который ходит, разговаривает»⁶⁶ (И.К. Луппол, директор ИМЛИ); «Очень трудно писать историю о том, что еще не стало историей. <...> Я не представляю себе, чтобы была написана сегодня история, которая сможет стоять на полке лет 50, ориентировать читателей и которая не была бы пересмотрена в значительной мере уже лет через 5»⁶⁷ (Гурвич) и др. Прозвучало и трезвое суждение: «Есть вообще такая точка зрения, что мы не дозрели до этого»⁶⁸.

Многие из участников обсуждения, в том числе входившие в редколлегию «Истории...» академики Толстой и Луппол, руководитель ССП Фадеев, понимали объективные трудности работы над «Историей» и одновременно важность не только результата, но и самой постановки вопроса о *научном характере* истории советской литературы. Так, Толстой «выразил сомнение» в необходимости очерка-монографии о прозаике Ю.С. Крымове⁶⁹, и его мнение разделили многие выступавшие. Яркую картину работы над трудом нарисовал директор ИМЛИ, историк философии Луппол; стоит привести его высказывание о специфике научной истории литературы:

Мы начали с 20-ти персональных очерков, довели до 40, до 51 по одной прозе, а многих еще нет.

⁶⁴ Там же. Л. 23–27.

⁶⁵ Это положение из доклада Серебрянского также вошло отдельным пунктом в постановление президиума (Там же. Л. 2).

⁶⁶ Там же. Л. 38.

⁶⁷ Там же. Л. 60.

⁶⁸ Там же. Л. 33. В стенограмме это высказывание записано как анонимное: «С места».

⁶⁹ Там же. Л. 7.

Что же это за книга? Это не «Сто лучших советских литературов», это не словарь советской литературы... Это не «Очерки истории советской литературы» или «Из советской литературы». Это не «Соображения к вопросу о советской литературе». Это «История советской литературы», как издана сейчас история СССР, история всемирная, история древняя. Настала пора, когда надо подытожить развитие советской литературы за 25 лет. И вот если нам говорят — будьте добры изложите на 80 авторских листах историю советской литературы, можно это сделать или нет? Можно и должно. На 80 авторских листах можно изложить хорошо с рассказом, с анализом, с закономерностями, с выяснением особенностей. Это и есть те два тома по 40 листов, как принято в СНК.

Если этому предшествуют 9 томов, каждый по 40 листов со времен летописей, сказаний, былин, то на советский период 80 листов вполне достойно и будьте добры уложиться в этом количестве бумаги⁷⁰.

Позицию Луппола разделял и Фадеев, предложив отказаться от предложенной структуры истории, где определяющее место занимают более ста монографических очерков о писателях:

...Это не история. Как бы ни манифестировали, ни согласовывали, ни ставили каждый очерк об отдельном авторе в историческую связь — это выльется в повторение одних и тех же вещей. Здесь столько ровесников, проделавших один и тот же путь. Все жили в период гражданской войны, НЭПа⁷¹.

Напомнив о структуре замечательных дореволюционных учебников русской словесности В.Ф. Саводника, Фадеев так отреагировал на реплику из зала, что «так построен досоветский период»: «Так должен быть построен и советский период. Такой порядок будет совершенно бесспорным»⁷².

Вопрос о составе «Истории...» и периодизации советского литературного процесса не раз обсуждался в ИМЛИ и в Союзе писателей — для того были объективные причины. На этом этапе работы над историей литературы нужно было учитывать новую

⁷⁰ Там же. Л. 37.

⁷¹ Там же. Л. 66.

⁷² Там же. Л. 68.

общеисторическую периодизацию, предложенную «Кратким курсом» истории ВКП(б) (1938). Этот труд действительно никому нельзя было обойти, тем более работавшим над историей русской литературы XX в., точнее — историей советской литературы как литературы соцреализма. В сентябре 1938 г. в газете «Правда» (с 9 по 19 сентября) печатаются главы труда «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс»⁷³; публикация сопровождается ежедневными редакционными статьями, в которых разъясняется «исключительное значение» труда, подчеркивается его вклад в теорию марксизма-ленинизма; в повестку дня поставлен вопрос изучения «Краткого курса». Для литераторов особо значимы были проблемы теории и разъяснение тезиса, что «марксистско-ленинская теория есть не догма, а руководство к действию»: «Овладеть марксистско-ленинской теорией — значит усвоить *существо* этой теории и научиться пользоваться этой теорией при решении практических вопросов революционного движения в различных условиях классовой борьбы пролетариата»⁷⁴. В Союзе писателей, как и во всей стране, разворачивается кампания по изучению «Краткого курса»; в газетах печатаются отклики рабочих, ученых, писателей. «Советский писатель должен быть политически и теоретически подготовлен», — эти слова из доклада П. Юдина об изучении «Краткого курса» на совместном заседании президиума ССП и актива звучали как аксиома⁷⁵. Особенно внимательно читали «Краткий курс» критики. 20 сентября 1938 г. известный критик Гурштейн в статье с директивным заглавием «Ленинизм и задачи критики (К вопросу о литературных взглядах В.И. Ленина)» сигнализировал, что «некоторые критики» неправильно поняли ленинскую теорию отражения, забыли, что критика прежде всего должна быть партийной, «объявили классовый анализ принадлежностью вульгарной социологии и ополчились на нее»⁷⁶. Напрямую эти предупреждения относились к историкам советской литературы.

В «Кратком курсе» периодизация истории партии начинается с 80-х гг. XIX в.; выделено 12 периодов, из них 6 периодов — с 1917 г.: 1) апрель 1917–1918 («Партия большевиков в период подготовки и Проведения Октябрьской Социалистической Революции»), 2) 1918–

⁷³ В 1938 г. труд вышел отдельным изданием.

⁷⁴ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс // Правда. 1938. 19 сент. С. 3.

⁷⁵ Вооружить писателей учением большевизма [Ред. статья] // Литературная газета. 1939. 5 окт. С. 2.

⁷⁶ Литературная газета. 1938. 20 сент. С. 2.

1920 («Партия большевиков в период интервенции и гражданской войны»); 3) 1921–1925 («Восстановительный период»); 4) 1926–1929 («Партия большевиков в период борьбы за социалистическую индустриализацию страны»); 5) 1930–1934 («Партия большевиков в период борьбы за коллективизацию»); 6) 1935–1937 (партия большевиков в борьбе за завершение строительства социалистического общества. Конституция»).

После выхода «Краткого курса» перед работавшими над историей советской литературы встал вопрос о соотношении новой исторической и литературной периодизации XX в. Именно об этом говорил Н.И. Замошкин на обсуждении вопроса о причинах неудачи в написании научной истории советской литературы:

...существуют довольно анархические представления об общем процессе советской литературы. Мы знаем, что история советской литературы опирается на общее политическое развитие страны, но конкретные формы не разработаны. <...> у нас нет даже схемы истории советской литературы⁷⁷.

О том, как непросто шла работа над историей русской литературы XX в., оставил свое свидетельство Зелинский, активный участник *всех* запланированных и состоявшихся историй советской литературы 1930–1960-х гг. Приведем фрагменты его рассказа, относящиеся к обсуждению в ИМЛИ и Союзе писателей вопроса о подготовке первой истории советской литературы:

Один из основных вопросов, который приходится решать, это вопрос о периодизации литературного процесса.

...обратились к общеисторической периодизации, которая указана тов. Сталиным и осуществлена в «Кратком курсе истории ВКП(б)», где современный советский период разбит на 6 периодов.

В применении к литературе эти 6 периодов истории нашей партии мы решили перевести на литературный язык, что привело к укрупнению периодов, т. е. мы соединили каждые 2 периода в один.

1-й период развития литературы от 1917 до 1920 или 1921, кончая годами гражданской войны (уточнение для республик).

2-й период — это 10-летие, от 1920–21 гг. — окончание гражданской войны, примерно до постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля

⁷⁷ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 1. Ед. хр. 438. Л. 34–35.

1932 г. Это период мирного восстановления с/х и период борьбы за социалистическую индустриализацию.

3-й период — от 1932 по нынешний день.

В сущности, история нашей литературы за советские годы... делится на два периода.

...Год великого перелома произошел в нашей литературе не в 1931–32 гг., а в 1933 /или (?) 1934 г.

Второй вопрос — какие взять произведения. Трудный вопрос, мы имеем дело с живой, развивающейся литературой...

Главные литературные деятели 1-го периода — Маяковский, Хлебников, Блок, Есенин, Брюсов, пролеткультовцы, Д. Бедный и др.

...Как быть с такими крупными писателями, как Вс. Иванов и Л. Леонов?

1-й период Вс. Иванова — это период партизанских повестей, затем он становится автором «Пархоменко»...

Если вы будете разделять творчество писателей на отдельные периоды, не будет получаться цельного представления... Мы стали перед такой трудностью: полностью периодизацию «Краткого курса» на литературу невозможно приложить...

Изучение этапов развития советской литературы и третий вопрос: вопрос о соотношении политического и литературного материала.

...привлекают литературу как иллюстративный материал для характеристики политических процессов.

...история строится <...> на выписках, цитатах из соответствующих политических материалов, основоположников марксизма, «Краткого курса»...

Литература берется в таком разрезе, или история литературы <...> как борьба всевозможных литературных группировок, в частности, с 1932 по 193<4>, что совершенно неверно.

Конечно, литература — это прежде всего само художественное произведение, которое нужно анализировать. Здесь было бы еще опаснее зайти в противоположную сторону, оторвать историю литературы от истории жизни страны, от политической истории...

Первый период.

Я начинаю историю советской литературы с Маяковского, потому что именно Маяковский является тем писателем, который вместе с Горьким был основоположником искусства социалистического реализма, дал первые образцы подлинно советской литературы. Сначала мы решили давать историю литературы без всяких портре-

тов, чисто хронологически. Если Толстой писал «Хлеб» позже, чем «Петра I», мы так и давали, т. е. писатель разрывался на различные периоды...

Эту схему обсуждали на президиуме ССП...

Многие писатели возразили против этого, говоря: нас разрывают на части — какая же это литература?

...Увеличение монографических глав. Только прозаиков около 100. Если каждому писателю 0,5 листа, то, что можно сказать о таком писателе, как Ал. Толстой?

Вообще у нас получилось бы, как мы шутя говорили, семейный альбом, сборник. Мы поняли, что это не история. Мы зашли в тупик.

Снова обсуждается вопрос на президиуме ССП и по совету ФАДЕЕВА мы отказались от монографического принципа, оставив только небольшое количество монографий, посвященных самым крупным писателям!⁷⁸.

Эта «История...» также не была завершена и издана. Материал из планируемой к первому тому вступительной статьи академика Толстого войдет в его доклад «Четверть века советской литературы», прочитанный на юбилейной сессии Академии наук СССР 18 ноября 1942 г. Некоторые результаты работы над «Историей», в том числе отсылки к периодизации «Краткого курса», обнаруживаются в вышедшем в 1954–1955 г. «Очерке истории русской советской литературы». Институт мировой литературы и Союз писателей вновь вернулись к обсуждению вопросов «Истории...» и выполнению госзаказа на новую историю в оттепельные 1950-е гг. В 1958 г. выходит первый том «Истории русской советской литературы» в 3 томах (1958–1961), под редакцией А.Г. Дементьева, одного из ведущих литературных критиков эпохи «оттепели». Первый том представляет период литературы с 1917 до 1929 г. В центральных журналах печатаются статьи методологического характера о структуре новой истории советской литературы⁷⁹; в издательстве «Наука» в 1966 г. выходят библиографический указатель «Советское литературоведение и критика» и «Очерки русской советской журналистики» (1-я книга), а затем начинает

⁷⁸ Стенограмма курсов-конференции молодых критиков. Лекция тов. К. Зелинского. 14 октября 1940 г. (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 479. Л. 7–12).

⁷⁹ См.: «Как же строить историю советской литературы?» Дементьева (Знамя. 1955. № 9), «Первый том “Истории русской советской литературы” Л.А. Плоткина (Вопросы литературы. 1959. № 10), «Идеи и структура будущего труда» Зелинского (Вопросы литературы. 1961. № 6), «Трудности, которые нужно и можно преодолеть» Благоева (Вопросы литературы. 1961. № 8) и др.

публиковаться второе издание «История русской советской литературы. 1917–1965», теперь уже в 4-х томах, под редакцией Дементьева. 1-й том «Истории...» представлял литературу в 1920-е гг.; 2-й том — литературу в 1930-е гг.; 3-й том (1941–1953) — литературу периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет; 4-й том — литературу в 1954–1965 гг.

Вопросы периодизации русской литературы советского периода остаются и сегодня в актуальном поле исследований литературного процесса всего XX в.⁸⁰, творчества классиков литературы, жанровых и стилевых движений в прозе и поэзии, истории критики и филологической науки. Богатейшая история русской литературы XX в. ждет адекватной ей периодизации, если не решения этого сложнейшего и «спорного», как считал Перетц, вопроса, то его широкого научного обсуждения.

Литература

1. В тисках идеологии. Антология литературно-политических документов. 1917–1927. М.: Книжная палата, 1992. 512 с.

2. Голубков М. К вопросу о содержании и структуре понятия «Советская литература» // Слово. Текст. Контекст. 2025. № 1 (21). С. 109–117.

3. Добренко Е. Формовка читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб: Академический проект, 1997. 321 с.

4. Корниенко Н. Читатели Шолохова: контексты эпохи // «Очень прошу ответить мне по существу...» Письма читателей М.А. Шолохову. 1929–1955. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 625–798.

5. Ленерт Х. Судьба социологического направления в советской науке о литературе и становление социалистического канона: переверзевщина / вульгарный социологизм // Соцреалистический канон. СПб: Академический проект, 2000. С. 320–338.

6. Лихачев Д.С. Закономерности и антизакономерности в литературе // Освобождение от догм. История русской литературы: состояние и пути изучения. [Т.1]. М.: Наследие, 1997. С. 8–42.

7. Русская литература XX века. 1890–1910 / под ред. С.А. Венгерова. М.: Республика, 2004. 543 с.

⁸⁰ См. статью М.М. Голубкова «К вопросу о содержании и структуре понятия “Советская литература”», в которой ставится вопрос о понятии и периодизации советской литературы [2].

On Periodization of the History of Russian Literature of the 20th Century

© 2026. Natalia V. Kornienko

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Acknowledgements: The research was carried out at IWL RAS with the support of Russian Science Foundation (RSF, project no. 25-18-00196) “From the Early Writers’ Associations to the Organizing Committee of the Union of the Soviet Writers: The Genesis of Institutional Forms in the Cultural Construction of the RSFSR / USSR (Digital Archive of Documentary Data and Research).”

Abstract: The present study examines the problem of periodizing the history of Russian literature in the Soviet era. The article focuses on the methodological approaches to the study of Russian literary history developed in academic scholarship during the 1910s–1920s, as represented in the works of V.N. Peretz, A.I. Beletsky, and P.N. Sakulin. These approaches have retained their scholarly relevance to the present day. Particular attention is paid to their understanding of the relationship between literary criticism and literary scholarship, which they regarded as fundamentally distinct forms of intellectual inquiry with different objectives. This distinction was most succinctly formulated by V.F. Pereverzev in 1928 through two complementary propositions: scholarship studies literature as a fact, whereas criticism studies literature as a factor. The emergence of the “synthetic critic-scholar” (D.D. Blagoi, 1954) was subsequently regarded as a major achievement of Soviet literary methodology. The article also surveys the principal approaches and methods employed during the first Soviet decade to periodize twentieth-century Russian literary history, with particular attention to the monographs of E.F. Nikitina, V.L. Lvov-Rogachevsky, and P.S. Kogan. Drawing on periodicals, transcripts of editorial meetings, and other archival materials from the Russian State Archive of Literature and Art and the Archive of the Russian Academy of Sciences, the study reconstructs the major stages in the preparation of the History of Soviet Literature during the second Soviet decade. Responsibility for this project was successively assumed by the Institute of Literature and Language of the Communist Academy, the A.M. Gorky Institute of World Literature of the USSR Academy of Sciences, and the Union of Soviet Writers. The surviving editorial transcripts shed new light on the making of the first comprehensive histories of Soviet literature and demonstrate that the periodization of Russian literary history remained one of the most politically contested issues in Soviet literary scholarship.

Keywords: periodization of twentieth-century Russian literary history, methodological debates, academic literary scholarship, literary criticism, Party documents, Union of Soviet Writers, A.M. Gorky Institute of World Literature (IWL RAS)

Information about the author: Natalia V. Kornienko, Corresponding Member of RAS, DSc in Philology, Director of Research, A.M. Gorky Institute of World

Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2231-1830>

E-mail: natalkornienko@yandex.ru

For citation: Kornienko, N.V. "On Periodization of the History of Russian Literature of the 20th Century." *Literaturnyi fakt*, no. 3 (41), 2026, pp. 276–310. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-41-276-310>

References

1. *V tiskakh ideologii. Antologiya literaturno-politicheskikh dokumentov. 1917–1927* [In the Grip of Ideology. An Anthology of Literary-Political Documents. 1917–1927]. Moscow, Knizhnaia palata Publ., 1992. 512 p. (In Russ.)
2. Golubkov, M. "K voprosu o soderzhanii i strukture poniatiiia 'Sovetskaia literatura'" ["On the Content and Structure of the Concept of 'Soviet Literature'"]. *Slovo. Tekst. Kontekst*, no. 1 (21), 2025, pp. 109–117. (In Russ.)
3. Dobrenko, E. Formovka chitatelia. Sotsial'nye i esteticheskie predposylki retseptsii sovetskoi literatury [Shaping the Reader. Social and Aesthetic Prerequisites for the Reception of Soviet Literature]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1997. 321 p. (In Russ.)
4. Kornienko, N. "Chitateli Sholokhova: konteksty epokhi" ["Sholokhov's Readers: Contexts of the Era]. "Ochen' proshu otvetit' mne po sushchestvu..." *Pisma chitatelei M.A. Sholokhovu. 1929–1955* ["I Beg You to Reply Me to the Point..." Readers' Letters to M.A. Sholokhov. 1929–1955]. Moscow, IWL RAS Publ., 2020, pp. 625–798. (In Russ.)
5. Lenert, Kh. "Sud'ba sotsiologicheskogo napravleniia v sovetskoi nauke o literature i stanovlenie sotsialisticheskogo kanona: pereverzevshchina / vulgarnyi sotsiologizm" ["The Fate of Sociological Trend in Soviet Literary Scholarship and the Formation of the Socialistic Canon: Pereverzevism / Vulgar Sociologism"]. *Sotsrealisticheskii kanon* [The Socialist Realist Canon]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2000, pp. 320–338. (In Russ.)
6. Likhachev, D.S. "Zakonomernosti i antizakonomernosti v literature" ["Laws and Anti-Laws in Literature"]. *Osvobozhdenie ot dogm. Istoriia russkoi literatury: sostoianie i puti izucheniia* [Freedom from Dogmas. The History of Russian Literature: The State of the Field and Paths of Study], vol. 1. Moscow, Nasledie Publ., 1997, pp. 8–42. (In Russ.)
7. *Russkaia literatura XX veka. 1890–1910* [Russian Literature of the 20th Century. 1890–1910], ed. by S.A. Vengerov. Moscow, Respublika Publ., 2004. 543 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 20.01.2025

Одобрена после рецензирования: 16.06.2026

Дата публикации: 25.09.2026

The article was submitted: 20.01.2025

Approved after reviewing: 16.06.2026

Date of publication: 25.09.2026